

Глава 1

БАРБЕКЮ И ГОРГУЛЬИ

Надежда — чудо в перьях, —
Она в душе гнездится —
Щебечет песенку без слов
И не угомонится.

Эмили Дикинсон¹

Кори

— Выглядит многообещающе, — сказала моя мать, изучая увитый плющом фасад студенческого общежития. В ее голосе читалось нетерпение. — Ну-ка, проверь свой ключ, Кори.

В Харкнесс-колледже был день заезда, и в разговорах на кампусе чаще всего звучали охи и ахи родителей первокурсников. Как сообщали официальные путеводители, именно в Харкнессе, этом трехсотлетнем храме науки, получили свои степени три президента страны из последних шести. Здесь же располагалась и знаменитая Башня Бомонта —

¹ Перевод Григория Кружкова.

дважды в день студенты из Гильдии карильонеров¹ поднимались на 144 ступени старинной лестницы, чтобы огласить окрестности звоном колоколов, каждый из которых весил не меньше тонны.

Жаль, что интерес моей мамы к общежитию не был связан ни с историей, ни с архитектурой. Все ее внимание занимал пандус для инвалидных колясок.

Я заехала на крыльцо, помахала моей новенькой студенческой карточкой перед устройством для считывания с карт, нажала синюю кнопку с изображением инвалидного кресла и затаила дыхание, глядя, как изящно открывается красивая арочная дверь.

После того через что я прошла за последний год, было нелегко поверить, что все это не сон. Что я *на самом деле* здесь.

Оказавшись в вытянутом здании общежития, я осмотрелась. На первом этаже располагались две большие комнаты: одна по левую, другая — по правую руку. Обе с широкими дверями — верный признак того, что они предназначены для студентов с ограниченными возможностями. Прямо передо мной убежала вверх лестница с красивыми дубовыми перилами. Как и в большинстве давно построенных общежитий Университета Харкнесса, лифта в здании не было,

¹ Студенческая организация звонарей, подобные которой существуют во многих старейших учебных заведениях США. — *Здесь и далее примеч. пер.*

а значит, мне, сидящей в инвалидном кресле, никогда не удастся осмотреть ни одну из комнат наверху.

— Полы *очень* ровные, — одобрительно заметила мать. — Когда мне сказали, что этому зданию восемьдесят лет, я засомневалась, стоит ли тебя отпускать сюда.

«Засомневалась» — мягко сказано. Тот факт, что мои родители буквально умоляли меня не ехать в Харкнесс, был последней горькой насмешкой судьбы в их длинной череде. В то время как другие отцы и матери сегодня восторженно обсыпали своих чад конфетти, мои рисковали схватить четыре сердечных приступа на двоих — как же, их малышка выбрала колледж в тысяче миль от дома, где они не смогут контролировать ее каждые полчаса!

Хвала небесам, что не смогут.

После того как со мной произошел несчастный случай, родители упрашивали меня отложить поступление еще на год. Но кому захотелось бы застрять дома еще на двенадцать месяцев с перспективой очередного курса физиотерапии в качестве единственного развлечения? Вот и мне нет. Когда я топнула ногой (ха-ха) и заявила, что отправляюсь в колледж, родители сменили тактику. Теперь они старались убедить меня остаться в Висконсине. Я выслушала бесчисленное множество проникнутых заботой лекций на тему «Почему Коннектикут?» и «Ты не обязана ничего никому доказывать».

Но я хотела этого. Я хотела посещать ту же элитную школу, в которой учился мой брат. Я хотела независимости, я хотела смены декораций, и я *действительно* хотела избавиться от послевкусия несчастья, которое было моим спутником весь последний год.

Пока я размышляла об этом, дверь слева от меня открылась и в проеме показалась голова симпатичной девушки с темными кудряшками.

— Кори! — улыбнулась она. — Я Дана!

Честно говоря, когда мои документы о заселении прибыли в Висконсин, я не знала, чего ожидать от будущей соседки. Но за последний месяц мы с Даной обменялись несколькими письмами по электронной почте, и ситуация прояснилась. Она была из Калифорнии, но школу окончила в Токио, где у ее отца был бизнес. Что касается меня, я сообщила ей о моем состоянии, объяснив, что не чувствую ни левую, ни правую ногу. Я предупредила, что большую часть времени буду находиться в инвалидном кресле и рассказала, что, даже вооружившись громоздким набором фиксаторов для ног и костылями, едва ли могу изобразить нечто, отдаленно напоминающее ходьбу.

И еще я заранее извинилась за то, что ей придется жить с калекой отдельно от других первокурсников.

Дана быстро прислала ответ: она ничего не имела против. Крохотные крылышки надежды впервые затрепетали где-то рядом со мной. Потом это неуго-

монное пернатое создание порхало вокруг неделями, насвистывая мне в ухо подбадривающие слова. Теперь же, когда я впервые увидела Дану, маленькая фея надежды прошлась по моему плечу колесом.

Я подняла глаза на Дану и развела руками, указав на кресло.

— А как ты меня узнала?

В глазах Даны зажглись озорные искорки, и она сказала именно то, что нужно было сказать:

— Благодаря Фейсбуку, как же еще!

Она открыла дверь нараспашку, и я заехала внутрь.

— У нас шикарная комната! — воскликнула Дана уже в третий раз за время нашего непродолжительного знакомства. — Здесь вдвое больше места, чем у остальных! Только представь, какие можно закатывать вечеринки!

Было здорово, что Дана оказалась соседкой, живущей с девизом «Стакан наполовину полон — особенно, если в нем пиво». Что касается комнаты, она и правда производила неплохое впечатление. Дверь открывалась в помещение, которое студенты Харкнесса называли общей комнатой (в то время как это была обычная гостиная). За ней находились две спальни, обе с дверями, достаточно широкими для инвалидного кресла. В каждой комнате стояли стол и — сюрприз! — двуспальная кровать.

— У меня с собой только обычное белье... — озадаченно начала я, увидев роскошное ложе.

— И у меня! — рассмеялась Дана. — Может, такие кровати полагаются всем студентам с ограниченными возможностями? О господи, неужели придется тащиться в магазин? — Она шутливо закатила глаза.

Тут, пыхтя под тяжестью одного из моих чемоданов, на пороге появилась мама и сразу же поинтересовалась:

— В магазин за чем?

— За постельным бельем, — поспешно ответила я. — У нас двуспальные кровати.

Мама хлопнула в ладоши.

— Мы отвезем вас, девочки, в «Таргет» — заглянем туда по пути домой!

Лично мне не терпелось избавиться от родителей как можно скорее, но я видела, что Дана уже попала на крючок.

Тем временем мать продолжала командовать:

— Но сначала дайте-ка мне осмотреться! Может, нужно что-то еще.

Она заглянула в ванную комнату — просторную, с душем, до которого легко мог дотянуться даже колясочник.

— Великолечно, — прокомментировала она. — Давай-ка достанем кое-какие твои вещи, Кори, и убедимся, что тут есть место, где можно сушить каттеры.

— *Мам!*.. — прошипела я. Мне вовсе не хотелось обсуждать свои жутковатые ритуалы перед соседкой.

— Если мы едем в «Таргет», — отозвалась Дана из общей комнаты, — нам обязательно нужно взглянуть на ковры. Здесь такое эхо...

Мать поспешила выйти из ванной, чтобы унижить меня еще сильнее.

— О, Кори нельзя жить в помещениях с коврами, пока она снова учится ходить. Она может споткнуться. — И без паузы добавила: — Ну, девочки, где попросим Хэнка поставить телевизор?

Я поспешила ухватиться за шанс уйти от скользкой темы:

— Отец повесит в комнате телевизор с плоским экраном и подключит кабельное. Если ты, конечно, не против. Не все любят ТВ.

Дана задумчиво подперла подбородок рукой.

— Телезритель из меня так себе... — Тут ее глаза блеснули. — Впрочем... гм... некоторые точно захотят собраться в нашей комнате и посмотреть спортивный матч...

Мама засмеялась:

— Кто же это?

— Вы до сих пор не встречались с нашим соседом? Он третьекурсник. — Взгляд Даны устремился в сторону коридора.

— Он живет напротив? — спросила я. — В другой комнате для людей с ограниченными возможностя-

ми? — Это было явно не то место, где я ожидала встретить горячего парня.

Она кивнула:

— Ты его увидишь. Просто подожди.

Наш поход по магазинам продлился намного дольше, чем я рассчитывала. Мать настояла на том, чтобы оплатить покупки Даны, объяснив, что это из-за нас комнату обставили именно так. Дана выбрала покрывало с огромным красным цветком посередине. Я остановилась на варианте в горошек.

— Очень жизнерадостно, — похвалила мать.

Она всегда любила все жизнерадостное, но последний год стал рекордным: мама цеплялась за жизнерадостность, как утопающий за спасательный круг.

— Давайте-ка подберем вам подходящие наволочки, дамы, — заявила она, подходя к следующему прилавку. — И запасную подушку для каждой, чтобы постели выглядели идеально.

— Она не обязана это делать... — исподтишка шепнула мне Дана.

— Просто смирись, — ответила я. — Подожди-ка...

Я сделала Данае знак и, когда она наклонилась ниже, чтобы никто не смог услышать нас, тихо сказала:

— Загляни в отдел ковров. Если что-то тебе приглянется, мы сможем вернуться сюда в другой раз.

Дана непонимающе посмотрела на меня:

— Но я думала...

Я прервала ее, закатив глаза:

— Дана, поверь мне: она ненормальная!

Без лишних слов соседка подмигнула мне и исчезла в отделе ковров.

Когда мы вернулись обратно, отец стоял в центре пустой комнаты, переключая каналы на прикрепленном к стене телевизоре.

— Все работает, — сообщил он.

— Спасибо, пап, — ответила я.

Он устало улыбнулся:

— Нет проблем.

Да, поведение моей мамы в течение последнего года ужасно раздражало, но с отцом дела обстояли еще хуже. Было время, когда мы дни напролет разговаривали о хоккее. Это была наша взаимная страсть, а для него еще и источник средств к существованию. Но потом со мной произошло несчастье, я не могла больше появляться на льду, и это буквально сокрушило отца. После несчастного случая он будто состарился на десять лет разом, и я очень надеялась, что мой отъезд из дома поможет ему прийти в себя.

Я решила, что настало время ненавязчиво выпроводить родителей в коридор и отправить домой.

— Мам, пап, сегодня на лужайке планируется барбекю в честь первокурсников. Мы с Даной туда тоже идем. *И скоро.*

Мама всплеснула руками:

— Подожди немного, Кори... Я совсем забыла повесить твой ночник!

Она бросилась в мою спальню, а я еле сдержалась, чтобы не наговорить ей грубостей. Ночник? Серьезно? Я не пользовалась ночником с тех пор, как мне было семь. А когда мой брат отправлялся в колледж, никто не изводил его навязчивым кудахтаньем. Билет на самолет и прощальное похлопывание по плечу — вот все, что получил Дэмиен.

— Она просто не может остановиться. — Отец мгновенно понял, о чем я думаю, взглянув на меня. Он поднял ящик с инструментами и двинулся к входной двери.

— Пап, со мной все будет в порядке... — поспешно заверила я его и устремилась следом.

— Конечно, будет, Кори, — ответил он, положил руку мне на макушку, но тут же убрал ее.

— Знаешь что, пап? — добавила я. — Я уверена, тебя ждет отличный сезон.

Он бросил на меня тяжелый взгляд:

— Спасибо, дружок.

И это все, что он мог сейчас сказать. Да, в других обстоятельствах он тоже пожелал бы мне хорошего сезона. Он внимательно осмотрел бы мою форму и щитки, мы отыскали бы удобный угол в комнате и поставили туда мою хоккейную сумку. Он забронировал бы билеты на самолет, чтобы посмотреть одну из моих игр.

Жаль, что эти времена прошли. Навсегда.

Мы проделали путь до коридора в молчании. А когда открыли дверь...

Мои грустные мысли развеялись как дым.

Перед нами стоял парень и вешал лекционную доску на стену рядом с соседней дверью. Я невольно отметила, что у него подтянутые бедра и мускулистые руки. Парень пытался вбить в стену гвоздь и одновременно удерживать костыли. Один из них упал, и таинственный незнакомец тихо выругался. А потом он оглянулся, и впервые за день мне показалось, что из-за туч выглянуло солнце.

Я увидела перед собой лицо кинозвезды с горящими черными глазами, обрамленными длинными ресницами. Его волнистые черные волосы были слегка растрепаны, как будто он только что запускал в них ладони. Он был высоким и казался сильным, но не перекачанным. Его тело было — нет, не телом полузащитника, но определенно телом атлета.

Ого.

— Привет, — сказал парень, и на его щеках проступили очаровательные ямочки.

Привет, красавчик, хотелось ответить мне. Но я молчала. Прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, что пялюсь на прекрасные губы незнакомца, замерев, как Бэмби в чаще. Надо было что-то с этим делать.